

Гарри

Гарри сидел и перечитывал письма, которые он написал своим друзьям, надеясь, что они простят его и не будут слишком злиться на него; у него было достаточно злости на себя для всех них вместе взятых. Они были единственными оставшимися у него людьми, которые по-настоящему любили его и верили в него, и которым он тоже доверял, любил и верил. Букля, заметив сбор писем, слетела на стол и стала ласково покусывать палец Гарри, пока тот левой рукой гладил сову. Он попросил Букля отнести письма его друзьям и терпеливо ждать ответов. Он перевязал письма, и Букля издала последнее улюлюканье, прежде чем улететь в небо позднего вечера. Гарри смотрел, как улетаёт его единственная подруга с Тисовой улицы, пока она не превратилась в крошечную точку, а затем исчезла из виду, после чего он вернулся к учебе.

Следующие два дня прошли очень медленно для волшебника-подростка, запертого на Тисовой улице номер четыре. Без компании своей совы он был вынужден сидеть один в своей комнате и думать или учиться. Он уже прочитал все учебники, которые у него были, и даже такие занимательные, как «Квиддич сквозь века», и все равно возвращался к учебе каждый час дня. Он снова перечитывал тексты по защитной магии и был уверен, что сможет провести любой из уроков из первых пяти лет обучения в Хогвартсе. На самом деле он уже преподавал некоторые из уроков, заклинаний и приемов членам Прокуратуры.

Гарри понимал, что ему нужно знать гораздо больше, если он собирается когда-нибудь исполнить Пророчество и навсегда победить Лорда Волан-де-Морта. Он не мог полагаться на простые оглушающие приемы и сглазы третьего курса, когда речь шла о борьбе за собственную жизнь или жизнь своих друзей. Пожиратели смерти доказали ночью в Отделе тайн, что они играют на выживание: это был не какой-то маленький наговор, который чуть не убил Гермоину, это было очень мощное режущее проклятие Тёмного искусства, которое мало кто из студентов Хогвартса когда-либо видел, не говоря уже о том, чтобы научиться противостоять или бороться с ним.

Гарри знал, что ему придется тренироваться и учиться еще усерднее, чем когда-либо, если он хочет выйти из этой войны живым. И даже это не будет гарантией; он никогда не сможет отдохнуть, пока Волан-де-Морт все еще на свободе. Ни один из них не может жить, пока другой выживает. Дело было уже не только в Пророчестве, хотя оно и помогало подтвердить мысли и страхи Гарри. Нет, это было желание самого Гарри избавить мир от самого злого существа, которое ходило среди него. Отомстить за смерть своих родителей, Сириуса, Седрика и бесчисленных других, пострадавших от рук Волан-де-Морта или его Пожирателей смерти. Чтобы заставить Волан-де-Морта почувствовать ту боль, к которой Гарри теперь так привык. Чтобы исполнить единственный настоящий страх Волан-де-Морта - смерть.

Гарри лежал в постели до позднего утра, желая и надеясь, что ему удастся выжить в этой войне и уничтожить человека, который сделал его жизнь такой, какой она была. Он больше не держал зла, как в конце семестра, на Дамблдора и Снейпа, хотя и не был доволен ни тем, ни другим, он знал, на ком лежит вина. Он часами валялся, придумывая, как заставить Волан-де-Морта страдать, мучиться и в конце концов умереть. Теперь, пережив эту ночь столько раз, он понял, что причинил боль Волан-де-Морту, когда тот пытался овладеть им почти три недели назад в атриуме Министерства.

Судя по тому, что Дамблдор говорил о Пророчестве, Волан-де-Морт не мог овладеть Гарри из-за любви, которая есть в нем. Эта та самая любовь, которая якобы является «силой, которую он не знает», но как он может использовать ее, чтобы убить злого Темного Лорда. Вряд ли он попытается снова овладеть Гарри в ближайшее время, но как еще любовь Гарри может навредить чему-то настолько злему. Его кровная защита исчезла, так что прикосновение Гарри больше не было смертельным для Темного Лорда, и Гарри также было интересно, как теперь влияют кровные заслоны на Тисовой улице. У них с Волан-де-Мортом теперь была одна кровь, так как же дом его тети мог защитить его? Это был еще один вопрос, который он задавал профессору Дамблдору всякий раз, когда у него появлялась возможность поговорить с ним. А потом это случилось внезапно: волна боли пронеслась по его шраму, из его рта вырвался придушенный крик, после чего все вокруг почернело, и Гарри погрузился в бессознательное состояние.

Все медленно собирались вокруг большого деревянного кухонного стола дома № 12 по Гриммо, готовясь к очередному собранию Ордена Феникса. Альбус Дамблдор оглядел собравшихся за столом с небольшим блеском в глазах, когда встал, чтобы начать собрание в эту среду вечером.

«Я хотел бы поблагодарить всех вас за то, что вы присоединились к нам сегодня, нам осталось выслушать несколько отчетов, и сначала я хотел бы услышать от охранников Гарри о том, чем занимался мальчик, Нимфадора...»

Нимфадора Люпин вздрогнула при упоминании своего имени, она так ненавидела его и обычно проклинала всех, кто осмеливался называть ее по нему, кроме родителей и, конечно же, своего старого директора, Альбуса Дамблдора.

«Гарри ни разу не выходил из дома с тех пор, как вернулся с Кингс-Кросс, более того, я не знаю, выходил ли он вообще из своей комнаты», - с некоторой опаской в голосе сказала Тонкс, высказав свое мнение при всех.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/118723/4766242>